

the 1990s, the number of people in the UK who are aged 65 and over has increased from 10.5 million to 13.5 million, and the number of people aged 75 and over has increased from 4.5 million to 6.5 million (Office for National Statistics 2000).

There is a growing awareness of the need to address the needs of older people, and the need to ensure that the health care system is able to meet the needs of older people. The Department of Health (2000) has published a strategy for older people, which sets out the government's commitment to older people and the need to ensure that the health care system is able to meet the needs of older people.

The strategy for older people is based on the following principles: (1) older people should be able to live independently in their own homes; (2) older people should be able to access the health care services that they need; (3) older people should be able to participate in the decisions that affect their lives; (4) older people should be able to live in a safe and secure environment; (5) older people should be able to access the services that they need; (6) older people should be able to live in a community that is able to meet their needs.

The strategy for older people is based on the following principles: (1) older people should be able to live independently in their own homes; (2) older people should be able to access the health care services that they need; (3) older people should be able to participate in the decisions that affect their lives; (4) older people should be able to live in a safe and secure environment; (5) older people should be able to access the services that they need; (6) older people should be able to live in a community that is able to meet their needs.

The strategy for older people is based on the following principles: (1) older people should be able to live independently in their own homes; (2) older people should be able to access the health care services that they need; (3) older people should be able to participate in the decisions that affect their lives; (4) older people should be able to live in a safe and secure environment; (5) older people should be able to access the services that they need; (6) older people should be able to live in a community that is able to meet their needs.

The strategy for older people is based on the following principles: (1) older people should be able to live independently in their own homes; (2) older people should be able to access the health care services that they need; (3) older people should be able to participate in the decisions that affect their lives; (4) older people should be able to live in a safe and secure environment; (5) older people should be able to access the services that they need; (6) older people should be able to live in a community that is able to meet their needs.

The strategy for older people is based on the following principles: (1) older people should be able to live independently in their own homes; (2) older people should be able to access the health care services that they need; (3) older people should be able to participate in the decisions that affect their lives; (4) older people should be able to live in a safe and secure environment; (5) older people should be able to access the services that they need; (6) older people should be able to live in a community that is able to meet their needs.

The strategy for older people is based on the following principles: (1) older people should be able to live independently in their own homes; (2) older people should be able to access the health care services that they need; (3) older people should be able to participate in the decisions that affect their lives; (4) older people should be able to live in a safe and secure environment; (5) older people should be able to access the services that they need; (6) older people should be able to live in a community that is able to meet their needs.

HOMO UNIVERSITATIS

Памяти

Аскольда Борисовича Муратова
(1937—2005)

Сборник статей

Под редакцией А. А. Карпова

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2009

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Маркович (С.-Петербург). Homo universitatis	3
М. А. Турьян (С.-Петербург). Антоний Погорельский и А. К. Толстой: у истоков Козьмы Пруткова	8
О. Н. Гринбаум, В. Г. Тимофеев (С.-Петербург). Онегин и Дон Кихот: два текста, два образа, две интерпретации	21
Иохен-Ульрих Петерс (Цюрих). Абсурдный текст и его эстетическая функция: О соотношении абсурдного, комического, сатирического, гротескного писания в русской литературе	35
Н. А. Гуськов (С.-Петербург). Подтекст в романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ»	43
И. В. Столярова (С.-Петербург). Чудо преображения человека в творчестве Лескова и евангельское предание о Преображении Господнем	57
Е. В. Душечкина (С.-Петербург). Н. С. Лесков о причинах «печального состояния русского духовенства»	71
Е. И. Ляпушкина (С.-Петербург). «Что могут означать такие выходки?»: Поэтика эпатажа в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»	79
Т. И. Орнатская (С.-Петербург). «Реформатор и русский немец»: Неосуществленный замысел	110
Н. Н. Мостовская (С.-Петербург). Восточные мотивы в «Песни торжествующей любви»	118
Т. Ю. Ильяхина (С.-Петербург). «Уловить то общее, что <...> и составляет conditio sine qua non всякого произведения, претендующего на бессмертие»: О «философии творчества» А. П. Чехова	126
А. Д. Степанов (С.-Петербург). Чехов и проблема «уединенного сознания»: Сцена в Ореанде	133
В. Б. Евтяхин (С.-Петербург). Жизнь шла мерно и однообразно но вдруг... Заметки по поводу одного сюжетного приема	143
С. Д. Титаренко (С.-Петербург). Преодоление смерти: архетип Небесной Девы в поэзии и философии Владимира Соловьева	160
Е. З. Тарланов (Петрозаводск). Христианство и гуманизм: русская литература рубежа веков и русское литературоведение начала ХХI века: Заметки к теме	184
Письма З. Н. Гиппиус к В. С. Миролубову (Предисловие и публикация А. В. Лаврова, С.-Петербург)	190

<i>Л. В. Савельева, С. В. Шкиль (Петрозаводск). О музыкальности лирического идиостилия Михаила Кузмина.....</i>	203
<i>Г. А. Тиме (С.-Петербург). Путешествие из Петербурга в Москву с остановкой в Берлине: Сюжет 1920-х годов.....</i>	216
<i>А. Ю. Веселова (С.-Петербург). Пьеса В. В. Сиповского о писателе-народнике.....</i>	230
<i>Н. А. Карпов (С.-Петербург). Два «криминальных» романа: «Отчаяние» Набокова и «Драма на охоте» Чехова.....</i>	256
✓ <i>Константин Баршт (С.-Петербург). Градуальные знаки Андрея Платонова и концепция панвитализма.....</i>	270
<i>Мария Рубинс (Лондон). Парижский текст в прозе писателей Русского зарубежья 1930-х годов.....</i>	288
<i>С. А. Фомичев (С.-Петербург). Петербургская повесть Даниила Хармса.....</i>	302
<i>А. А. Карпов (С.-Петербург). К биографии Е. В. Петухова (по материалам архива ученого).....</i>	310
<i>Б. Ф. Егоров (С.-Петербург). Попытки Г. А. Гуковского не противостоять официальному «марксизму».....</i>	318
<i>И. П. Смирнов (Констанц). «Доктор Живаго» и кинопроза Жюль Ромена.....</i>	324
<u>М. Я. Билинкис</u> , <i>И. Л. Днепроба (С.-Петербург). «Часть речи» в «непрерывном» тексте: «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» И. Бродского (Postumus).....</i>	330
<i>А. О. Бальшев (С.-Петербург). Красная Шапочка на постмодерный лад: Практическое пособие по литературному постмодернизму.....</i>	372
<i>П. Е. Бухаркин (С.-Петербург). Петербургский миф: слово и бронза («Сад современной скульптуры» и судьба Петербургского текста русской литературы на рубеже столетий).....</i>	382
<i>В. В. Колесов (С.-Петербург). Феноменология языка и текста.....</i>	394
<i>З. К. Тарланов (Петрозаводск). Методология и метаязыки современных филологических наук в их отношении к предмету и цели изучения: Памяти друга.....</i>	404
<i>А. М. Мелерович (Кострома), В. М. Мокиенко (С.-Петербург). Преобразование внутренней формы фразеологических единиц.....</i>	420
<i>И. П. Куприянова (С.-Петербург). Стен Стенсен Бликкер. «Отрывки из дневника сельского дьячка».....</i>	435
<i>Н. Л. Сухачев (С.-Петербург). Прячущиеся цвета в сонете А. Рембо «Гласные».....</i>	445
<i>А. А. Чамеев (С.-Петербург). Драмы Ибсена в свете идей Киркегора.....</i>	460
<i>А. И. Владимирова (С.-Петербург). Структурные особенности «Мистерии о милосердии Жанны д'Арк» Шарля Пегги.....</i>	469
<i>Е. К. Бросалина (Санкт-Петербург). Пути натурализации иноязычного текста (на материале поэзии Р. Тагора).....</i>	477
<i>Приложение. Н. А. Захарова (С.-Петербург). Без гнева и сомнения (из воспоминаний университетского редактора).....</i>	490
<i>Список научных трудов А. Б. Муратова.....</i>	498

Константин Баршт (С.-Петербург)

ГРАДУАЛЬНЫЕ ЗНАКИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА И КОНЦЕПЦИЯ ПАНВИТАЛИЗМА

В поэтической системе А. Платонова доминирует художественный знак, обладающий развитой парадигмой означающего¹. Речь идет об имманентно живом и саморазвивающемся «веществе существования»², которое как всеобщий семантический знаменатель связывает воедино все тела, предметы и явления поэтического мира писателя. В произведениях Платонова эта концепция получила название «электрология»³.

¹ Такого типа знаки впервые описаны Н. С. Трубецким в его «Основах фонологии» (М., 1960); см. также: *Якобсон Р. О., Фант Г. М., Хале М.* Введение в анализ речи // *Новое в лингвистике*. М., 1962. Вып. 2.

² Впервые этот опорный концепт художественного мира А. Платонова был зафиксирован в работах Е. Толстой-Сегал; 1) *Натурфилософские темы в творчестве Платонова 20–30-х гг.* (Slavica Hierosolimyana. Jerysalem, 1979. Т. 4); 2) *Идеологические контексты Платонова* (Russian Literature. 1981. Vol. IX. N III), а также в работе Л. Шубина «Поиски смысла отдельного и общего существования» (М., 1987).

³ Энергетику Платонов считал сверхнаукой, предлагая для нее название «электрология»: «Электротехника должна быть самостоятельной огромной наукой, объединяющей всю практику» (*Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000, С. 21). — Автобиографическое описание увлеченности Платонова «электрологией» можно обнаружить в «Счастливой Москве»: «Он приобрел себе шкаф, наполнил его книгами и стал изучать мировую философию, наслаждаясь всеобщей мыслью и тем, что добро в мире неизбежно, даже скрыться от него никому нельзя. Законы золотого правила механики и золотого сечения по большому кругу действовали всюду и постоянно. Выходило, что благодаря лишь действию одной природы маленькая работа всегда даст большие успехи и каждому достанется кусок из золотого сечения — самый громадный и сытный. Следовательно, не только труд, но и ухищрение, уместность и душа, готовая на упоение счастьем, определяли судьбу человека. Еще Архимед и александриец Герон ликовали по поводу золотых правил науки, которые обещали широкое блаженство человечеству: ведь одним граммом на неравноплечном рычаге можно поднять тонну, даже целый земной шар, как рассчитывал Архимед. Луначарский же предполагал зажечь новое солнце, если нынешнее окажется недостаточным или вообще надоевшим и некрасивым» (*Платонов А.* Счастливая Москва // *Платонов А.* Счастливая Москва. Повести. Рассказы. Лирика. М., 1999. С. 86).

Мысль писателя развивалась в русле натурфилософской концепции панвитализма, идущего от древнегреческого учения о панпсихиме, учения о всеобщей одушевленности. Отличие платоновского варианта от классической модели заключается в том, что в его художественной онтологии объекты мироздания, каждый в отдельности, не обладают изолированным сознанием и автономной жизнью, а уровень сознания пропорционален качеству связи данного объекта со всем остальным «веществом жизни». Отсюда ясно, что все в мире оказывается живым и сознающим настолько, насколько качественна связь отдельного предмета (вещи, организма) с остальным сущим, а это определяется специфической энергетикой того или иного локуса мировой субстанции⁴. Эта эксплицитная спецификация А. Платонова стала основанием принципа его художественной концептуализации, где доминирует принцип множественности объектов и градуальности связи между ними. В результате поэтическая таксономия Платонова сформировалась в виде строго централизованной иерархии значений, основанных на панвиталистическом концепте всеобщей универсальной жизни. Отношения различия и сходства в этой системе характеризуются ступенчатостью переходов от одного уровня к другому, событие перехода определяется повышением или понижением уровня указанной качественной характеристики. Вербальные знаки, составляющие парадигматические ряды, связанные единым вторичным означаемым, распределяются в определенной последовательности в зависимости от наличия в них указанного свойства, подобно числовому ряду, от минимума к максимуму: «1, 2, 3, 4 и т. д.». Правда, в отличие от упомянутой последовательности чисел в универсальном знаке Платонова первый и последний элемент ряда оказываются замкнуты представлением об «инфраполе» как конечном состоянии «вещества существования», за которым возникает новое бытие⁵. Круговая организация

⁴ Об энергетическом принципе Платонова см. статью автора: Энергетический принцип Андрея Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова. М., 2000. Вып. 4. С. 253–262.

⁵ Поэтический язык Платонова даже в отношении вещей, казалось бы, чисто умозрительных, тяготеет к этому «инфраполярному» антропоморфизму, описывая состояние мира в условиях распространения найденного им «инфраполя» в бесконечность, он, кажется, говорит об умирающем и сливающимся с Вечностью человеке: по мере окончания своего очередного витка, инфраполе «падает опять с содроганий пятидесяти в двадцатой степени и секунду до одной в вечность, то есть до полного отсутствия содроганий» (Платонов А. Погоня Солнца // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 37–38).

этого панвитального дискурса Платонова основана на смыкании крайних энергетических состояний «вещества»: максимального насыщения и энтропийного низа. Жизнь — это энергетическое насыщение отдельных участков вещества, пока что очень неравномерно и иногда случайно насыщенного. Процессы насыщения своего тела энергией жизни и уход из него жизненной энергии Дванов переживает как важные события: «Дванов опустил голову и представил внутри своего тела пустоту, куда непрестанно, ежедневно входит, а потом выходит жизнь, не задерживаясь, не усиливаясь, ровная, как отдаленный гул...» Поэтому герой может отождествлять себя с любым предметом, любой частью вещества: «Саша воображал себя паровозом», «себя самого как самостоятельный твердый предмет, Саша не сознавал...»⁶

Мировая субстанция, по Платонову, имеет пространственную протяженность, но четвертое измерение, время, целиком зависит от физических свойств пространства. Если оно полноценно энергетически насыщено, то не может иметь слишком большого набора и разнообразия материальных форм, оказываясь изоморфным и гетерогенным в своей жизненной полноте⁷. Человек в этих условиях оказывается частью единого и вечного вещественно-энергетического поля Вселенной, которое не имеет времени. Отсюда любое существо одновременно пребывает в своем настоящем, будущем и прошлом как нерасчленимым единстве бытия. Писатель был уверен, что само представление об историческом времени формируется за счет опыта наблюдения за последствиями энтропии. С этим связана мысль, развиваемая в ряде произведений писателя, о «человеке двухстороннего действия: он может жить и так, и обратнo, и в обоих случаях остается цел»⁸. То же мы видим и относительно других живых существ: погибающие от истощения растения в «Родине электричества» (1926) обращают свою жизнь вспять⁹. Согласно этой логике, именно длительность сползания

⁶ Платонов А. Чевенгур. М., 1988. С. 71, 66.

⁷ Отсюда для Захара Павловича бессмертие — это слияние с «голубым пространством»: «Сколько ни жил Захар Павлович, он с удивлением видел, что он не мнется ... чем дальше он будет жить, тем это пространство непережитой жизни будет уменьшаться, а позади — удлиняться мертвая растоптанная дорога» (Платонов А. Чевенгур. С. 56).

⁸ Там же, с. 102.

⁹ Под давлением энтропии растения в «Родине электричества» не погибали, но сжимали свой живой потенциал, «клонились вниз, чтобы вернуться обратно в темноту праха и сжаться в свое первоначальное семя, уже мертвое теперь» (Платонов А. Родина электричества // Платонов А. Повести. Рассказы. Из писем. Воронеж, 1982. С. 232).

«вещества существования» по оси энтропии обеспечивает феномен времени и связанное с ним органическое разнообразие форм жизни.

Основанный на этих представлениях, художественный мир Платонова являет собой реестр форм, связанных воедино качеством имманентно живого «вещества существования», пребывающего в вечной «длительности» четырехмерного континуума. Здесь отсутствует формальное отграничение вещества от энергии, поэтому никаких определенных границ между предметами, существами и веществами не существует. Любая часть (локус, фрагмент) универсального «вещества» в состоянии легко изменить форму, и в соответствии с иным энергетическим качеством получить новый облик или свойства. Платоновская поэтическая онтология как оригинальный вариант описания состояния жизни во Вселенной напоминает полет самолета «вслепую», по приборам; заданное направление на укрепление и развитие сознания в «живом веществе» требует постоянных изменений набора данных и форм, одновременно сами эти изменения есть итог учета и фиксации внешних изменений в текущих наличных формах. С этим связано указанное Платоновым свойство «самодельности» — автореферентности системы, которая самоопределяется в динамическом взаимодействии с другими, подобными ей самой системами, но формальные свойства которой прямо определяются стратегическими требованиями качества витальности¹⁰. Другими словами, платоновская «вещь» — человек, растение, комок земли, любой фрагмент «субстанции» — представляет собой круговую организационную форму, где развиваются только компоненты, продуцирующие только ту организацию, которая эти компоненты и производит. Свойства поэтического языка Платонова тем самым оказываются основаны на отказе от мышления категориальными структурами и попытке выстраивать концептуальные концентрические круги, обладающие общим центром. Здесь проявился антикантианский и антикартезианский характер философской стратегии писателя¹¹, форма и все функцио-

¹⁰ Космическая роль платоновского «пролетариата» — дать как итог своей жизни положительное энергетическое, продвинув Вселенную к спасению. Искомый смысл «самодельности» энергетического праведника определяет в «Чевенгуре» Егор Титыч: «Умный я стался, что без родителей, без людей человека из себя сделал... Сколько живья и материалу я на себя добыл и пустил — сообрази своим умом вслух» (Платонов А. Чевенгур. С. 306).

¹¹ См. об этом: Баршт К. «Мусорный ветер» А. Платонова: спор с Р. Декартом // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Сер.: гуманитар. науки (филология). Томск, 2005. № 6 (49). С. 62–67.

нально-физиологические свойства живого тела у Платонова определяются лишь характером и смыслом его взаимодействия с окружающей его мировой субстанцией. В результате в художественной системе писателя возникает набор дискурсивных блоков, каждый из которых семантически «вставлен», подобно матрешке, внутрь предыдущего.

Исходя из этого человека в художественном мире Платонова окружает не «плохая» или «хорошая» среда обитания, но априорно чистое «вещество существования», данное в виде богатого набора вещественно-энергетических форм — мыслей, предметов, живых существ. В мире Платонова отсутствует жесткая граница между телами, вещами и предметами, отсюда нет представления о «грязи»; «чистое» — это максимально приближенное к «веществу существования» в его естественном состоянии (веществу земли), грязное — это принадлежащее цивилизации (ложному направлению развития истории человечества, по Платонову), ее продуктам и отходам, объединяемым понятием «мусорного ветра». Посредине между ними лежат «песок», «глина» и «пыль», связанные с разными степенями разрушения энергетики первобытного «вещества», пришедшего в негодность под действием энтропии и из-за невнимания к ним человека. Гомеостатический характер живой системы «вещества существования», бытийное основание которого поддерживается с помощью механизма универсального единства взаимодействий, зафиксирован в реплике героя «Котлована» Сафронова. В ответ на вопрос Вощева об истине он определяет как два главных свойства любого фрагмента «вещества существования» его абсолютную пластичность и структурную круговую организацию («витализм»)¹².

Теряя жизненную энергию, чаще всего обозначенную как «тепло», персонаж Платонова может обратиться в животное, растение или минерал, способен «частично умереть» или телесно слиться с окружающим его «веществом существования», даже перейти из одного онтологического состояния в другое оставаясь внутри тела «вещест-

¹² Сафронов, отвечая на вопрос Вощева о вечной сущности, говорит: «Скажите, товарищ, в каком виде вам желательно получить этот продукт — в круглом или жидком?» (Платонов А. Котлован // Платонов А. Повести и рассказы. 1928-1934. М., 1988. С. 151). В своей «записной книжке № 8» Платонов пометил: «Очень важно! Все искусство заключено в том, чтобы выйти за пределы собственной головы, наполненной жалким, жидким, усталым веществом. Субъективная жизнь — в объекте, в другом человеке. В этом вся тайна» (Записные книжки А. Платонова. С. 101-102).

ва»¹³. Собственно, такого рода переходы и являются главным генератором событийности в сюжетах произведений писателя. Эти переходы тела на иной бытийный уровень никогда не случайны и определяются уровнем и качеством витальной энергии, которая, в свою очередь, определяется этико-онтологическим статусом той или иной вещи или фрагменты «вещества существования». На точках этих переходов формируются семантические ступени, где элементы различаются степенью линейного сдвига в пределах этого качества, от одного уровня к другому. Из этого возникают дискурсивные цепочки типа: «человек – животное – растение – минерал – пустота», «симфония – песня – колокол – гул – молчание», «впадина – яма – овраг – котлован», «жизнь – усталость – сон – смерть», «континуум – объем – плоскость – линия – точка», «земля – почва – грунт – глина – песок». Опорных точек внутри ряда, как правило, четыре или пять, они расположены по мере убывания витального качества. Геометрические формы, образуемые земной корой, в мире Платонова имеют индивидуально-нравственные характеристики, образуя многосоставную семантику ландшафта. Рассмотрим устройство одного из этих ступенчатых знаков А. Платонова, связанного «земельной» парадигмой.

1. «Яма» — лишена определенности отрицательной коннотации, она ни полна, ни пуста; это оценочно безразличная вогнутая часть поверхности планеты, «земная впадина»¹⁴.

2. «Канавка» — подозрительный, по крайней мере весьма настораживающий след активности человеческого существа, пытающегося изменить природный ландшафт.

3. «Овраг» — здесь уже лежат «ничтожный песок и мертвая глина»¹⁵, это место опасное и губительное, оно образовано энтропийными процессами, идущими на Земле помимо воли человека и интересов «живого вещества».

4. «Котлован» — попытка прямого взаимодействия человека с «живым веществом», след хирургической операции на теле Земли, которую, руководствуясь теми или иными соображениями, проводят люди.

¹³ Пластичность тела, способность к мутациям и трансформациям — устойчивый мотив черновых записей Платонова, напр.: «В одном месте Стратилат, изменившись туловищем, проехал без билета в поезде принятый за скотину» (*Платонов А. Записные книжки*. С. 110).

¹⁴ *Платонов А. Котлован*. С. 130.

¹⁵ Там же, С. 143.

Таков перечень основных ступеней многосоставного земельного знака Платонова; «колодец», «река», «озеро», «буровая скважина», «ключ», «поле», «провал», «пещера», «дырка в земле», «борозда», «гора» и другие входят в тот же парадигматический реестр, образуя промежуточные пункты, параллельные указанным знакам.

В рамках «панвитального» принципа онтологическое позиционирование к «веществу существования» оказывается основным фактором формирования нравственного состояния персонажа. Ценность корневого знака «земли» подчеркивается тем, что платоновские герои «телом» и «жизнью» прижимаются к земле, заполняя ее выемки и впадины. Пухов «почти бессознательно... жался жизнью по всяким ущельям земли, иногда в забвении самого себя» («Сокровенный человек», с. 61). Подобно героям «Котлована», ищущим истину в деятельном «обручении с землей»¹⁶, Лихтенберг («Мусорный ветер», 1933–1934) создаст для себя минеральное убежище, откапывая «под корнем дерева небольшую пещеру», чтобы «поселиться в ней для неопределенного продолжения своей жизни»¹⁷. Герой «Чевенгура» Луй для ночлега находит впадину в теле Земли — «яму кирпичного сарая»¹⁸. Народ «джан» также пыгается улечься во впадины и ямы, ища, где «темно и низко», а «земля идет на снижение в котловину»¹⁹. Москва Честнова («Счастливая Москва») на ночлег устраивается в углублении или пустой емкости: «Ночью она хотела залезть на ночлег куда-нибудь в ящик, найти порожнюю пищевую будку Мостропа или еще что-либо...»²⁰; «Под утро Москва и Сарториус сели в землемерную яму, обросшую теплым бурьяном...»²¹. В «черных земляночных жилищах», «землебитных жилищах» живут герои «Ювенильного моря» (1931–1932)²². В сырой и глубокой пещере, вырытой в полуподвале разрушенного дома, обитает в «Чевенгуре» «товарищ Пашинцев», который постепенно теряет человеческий облик и обращается в нечто иное, нежели гомо сапиенс. Повествователь намека-

¹⁶ Фрагменты чернового автографа повести «Котлован» / Публ. Т. М. Вахитовой, Г. В. Филиппова // Творчество Андрея Платонова. СПб., 1995. С. 98.

¹⁷ Платонов А. Мусорный ветер (1933–1934) // Платонов А. П. Повести. Рассказы. Из писем. С. 305.

¹⁸ Платонов А. Чевенгур. С. 240.

¹⁹ Платонов А. Джан // Платонов А. Государственный житель. Минск, 1990. С. 469.

²⁰ Платонов А. Счастливая Москва. С. 9.

²¹ Там же. С. 39.

²² Платонов А. Ювенильное море // Платонов А. Чевенгур: Роман и повести. С. 538.

ст: «... нечеловеческие следы уходили туда; даже заметно было, что истукан топтался у двери, мучая землю до оголения...»²³ Дети в «Июльской грозе», которых застала в пути стихия, также ищут укрытия и защиты у Земли:

Наташа села возле ржи и изо всех сил прижала к себе Антошку. Но ей подумалось, что вдруг Антошка помрет, а она одна уцелеет, — и тогда Наташа закричала криком... Но маленький брат ее... сказал: «Давай яму копать, мы туда спрячемся и проживем»²⁴.

Утомляясь, герои Платонова, как правило, впадают в состояние сна-смерти, предварительно выбрав какую-нибудь ямку в земле. Если они этого не делают, то повествователь вынужден специально оговаривать причину такого рода нарушения: «Чагагаев... настолько утомился, что уснул, не спрятавшись в какую-нибудь теплую расщелину земли...»²⁵ Герои Платонова отказываются от искусственной среды цивилизации, уходя в степь, на лесную «поляну», пустырь, и т. п., где выбирает «ямку» в «теплой траве» и устраиваются в ней. Онтологически отождествляясь с «веществом существования», они пытаются еще при жизни телесно и энергетически слиться с землей, обеспечивая себе единство двух несовместимых качеств: сознание и минеральное единство с мировой субстанцией. Как, например, Чагагаев («Джан»), который «уснул в траве, среди спокойствия, прижавшись к земле, как прежде»²⁶. В «Реке Потудань» (1937) этот мотив еще более усиливается: Никита Фирсов ищет впадину и ночует на «дне балки», уже не только умозрительно, но и фактически становясь частью Земли, что и обманывает зверька, который забирается ему в рот, решив, что это нора в земле²⁷. Напротив, люди, потребительски обращающиеся с Землей, оказываются врагами героев Платонова и самого «вещества жизни». Таковы, по мнению Сербинова («Чевенгур»), революционеры:

Грустный, иронический ум Сербинова медленно вспоминал ему бедных, неприспособленных людей, дуrom приспособляющих социализм к порожним местам равнины и оврагов²⁸.

²³ Платонов А. Чевенгур. С. 152.

²⁴ Платонов А. Июльская гроза // Платонов А. Собр. соч. Т. 2. С. 242.

²⁵ Платонов А. Джан. С. 492.

²⁶ Там же. С. 464.

²⁷ Платонов А. Река Потудань // Платонов А. Собр. соч. Т. 2. С. 179.

²⁸ Чевенгур. С. 361.

Двум полярным энергетическим состояниям вещества мира, «живому теплу» и «мертвому холоду», соответствуют противоположные физические форматы вещества земли — «почва» и «прах» («пыль», «зола»). «Грунт», «глина» и «песок» занимают здесь места на промежуточных ступенях. В этой семантической системе из нескольких знаков, связанных энергетической полнотой космической субстанции, как уже указывалось, «глина» и «песок» занимают близкие друг к другу, соответственно, предпоследнее и последнее места по шкале жизненной энергетической заряженности «вещества Земли», почти сравниваясь между собой в уровне накопленной энтропии. Напротив, почвенный слой Земли, наиболее ценная часть вещества планеты, уничтожение или истощение которой, согласно нормам платоновской художественной онтологии, не может быть оправдано никакими высокими целями. Если гибель космического «живого вещества» — дело рук попавшей в западню энтропии «мертвой природы», а итогом являются «глина» и «песок», то в результате деятельности человека появляются «пыль», «мусор» и «перхоть цивилизации». Этот земельный многоступенчатый знак оказывается основой строения художественного мира всех произведений писателя, не исключая и «военные рассказы».

Структурные элементы этого знака в «Котловане» располагаются по мере «убывания энергетики»:

Дробя организм почвы, вода делает неорганический песок, а последний, обрабатываясь ветром, образует холмы и барханы, заносит плодородные черные земли, уже дышит пустыня...²⁹.

«Почва» имеет значение теплого, сухого, освещенного солнцем и наполненного «живыми былинками» слоя земли, сохраняющего и приумножающего свойственное ему «тепло» жизни. Чисто агрономическое плодородие чернозема, согласно этому принципу, вторично и условно, в сравнении с безусловным энергетическим плодородием «вещества Земли», особенно если в нее вложена энергетика любовного человеческого отношения к ней («труда»). В «Родине электричества»:

Несмотря на плодородие низинных угодий, сейчас там росли только редкие посадки картофеля, а за ними — мелкие просянные колосья; но

²⁹ Платонов А. Борьба с пустыней // Платонов А. Чутье правды. М., 1990. С. 225.

все растения были в изнеможении, они покрылись смертельной пылью знойных вихрей³⁰.

Под действием энтропии ценное в энергетическом отношении образование панвитального «вещества» катастрофически теряет свою жизненную силу, понижает способность оформляться в виде вещей и живых организмов, утрачивает привычный внешний вид, структуру и агрономическое плодородие: «Я попробовал почву: она была как зола, перегоревшая на солнце, и первый же ураган способен был поднять всю пыль плодородия и развеять ее бесследно в пространстве» (там же).

«Пыль» определяется как конечный пункт разрушения почвы под действием энтропии, аналогичный искусственному «мусору цивилизации». «Мусор природы» — это энергетически выхолощенная и испорченная до крайнего предела земная почва: «...пятитонные грузовики везли бревна по грунту, размалывая почву в пыль...»³¹. В «Че-Че-О» (1928) в качестве важнейшего негативного признака родного города Платонов называет «всегдашнюю воронежскую пыль»³², которая в статьях 1922–1923 гг. была для него главным врагом, подрывающим витальные основы Земли и Космоса, она стала главным обозначением мертвой, разрушительной стихии: «Пыль черноземная и пыль истории — вещи ни в чем не сравнимые»³³. «Ветер» оказывается союзником «песка» в понижении энергетического потенциала Земли, «песок» — это воплощение упадка и распада земного «вещества», приводящего к гибели всего живого. В повести «Город Градов» (1926) описывается поселок Гора-Горушка, который находится «на песках, в лучшие земли не входил» «и жил неведомо чем»³⁴. Заметим, что список основных неблагоприятных факторов, разрушающих живое бытие, одинаков по отношению к человеку и плоти Земли; это — «время» и «ветер», которые приводят «вещество» в состояние «скуки» и энергетической «пустоты»: «гли-

³⁰ Платонов А. Родина электричества. С. 232.

³¹ Платонов А. Счастливая Москва. С. 43.

³² Платонов А. Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990. С. 238.

³³ Там же. С. 239.

³⁴ Платонов А. Город Градов // Платонов А. П. Повести. Рассказы. Из писем. С. 201.

на не могла бы маяться и терпеть... исчезла бы прочь от ветра, времени, воды»³⁵.

«Глина» в поэтической семантике Платонова представляет собой вариант локуса «мокрого песка», это холодный, сырой, омертвевший слой земли, семантически связанный со «смертью», жестоким насилием над жизнью, беспамятностью и обезличиванием живого, оказывается на нижней точке этой шкалы³⁶. Не случайно жены расстрелянных «буржуев» («Чевенгур») в отчаянии ложатся «на глиняные комья ровной бесследной могилы»³⁷. Похожая семантика обнаруживается в «Глиняном доме в уездном саду» (1936), где мы видим «неизвестный глино-соломенный дом, где была или не была чья-то убогая, слабая жизнь»³⁸. Прикосновение к песку или глине связывается со смертью (нелюбвью, пустотой); Настя, утверждая, что ее никто не любит, садится на «песок»³⁹. Подобно тому как «холод» в «Котловане» одерживает победу над «теплом» (смерть Насти), глина в землеройной фабуле повести «Город Градов» одерживает победу над «почвой», катализируя тем самым уход и расточительную трату главной ценности мироздания — «тепла». Эта символика сохраняется в творчестве Платонова и в более поздние годы: в «военных рассказах» Платонова сравнивал убийственный для человечества фашизм с «коричневой глиной»⁴⁰.

Весильный «песок» как символ энергетического «низа» шкалы ценностей, выдвинутых Платоновым («верхом» является солнечный свет), постоянно путает планы Шмакова («Город Градов»), то оказываясь ненадежно основной жизни, то вмещиваясь в планы героя по повышению энергетической заряженности градовской земли. Пытаясь внедрить аэропланы для повышения электрической (энергетической) заряженности почвы, Шмаков обнаруживает, что «аэропланы действуют с помощью наэлектризованного песка»⁴¹. Ни у одного человека это обстоятельство не вызвало бы тревоги, кроме верую-

³⁵Черновой автограф. С. 101.

³⁶ Возможно, что именно глину-песок подразумевал Л. Шубин, когда говорил об «антивеществе существования», геростратовской энергии разрушения, которая способна «кисирить человеческие души» (Шубин. С. 34).

³⁷ Платонов А. Чевенгур. С. 239.

³⁸ Платонов А. Глиняный дом в уездном саду // Платонов А. Собр. соч. С. 116. Т. 2.

³⁹ Платонов А. Котлован. С. 173.

⁴⁰ Платонов А. По небу полуночи // Платонов А. Собр. соч. Т. 2. С. 254.

⁴¹ Платонов А. Город Градов. С. 201.

щего в свою панвитальную «электрологию» Ивана Шмакова; то, что в качестве носителя благородного электричества выступает именно песок, это хорошо, но замусоривание почвы недопустимо, и он отвергает эту затею:

Ввиду сыплющегося из аэроплана песка, чем уменьшается доброта почвы, признать отпуск аэроплана хутору Девьи Дубравы пока преждевременным... (там же).

Именно «песок» и мертвый «грунт» берут верх над геросом, моделируя печальный конец человечества, отказавшегося от пути вложения своей энергии в Землю:

Шмаков через год умер... Перед смертью он служит в сельсовете уполномоченным по *грунтовым дорогам* (курсив наш. — К. Б.)⁴².

Следует отметить, что формирование этого комплексного знака поэтического языка Платонова началось еще в ранних публицистических статьях. По своей художественной форме эти тексты принадлежат к лирическому жанру (стихотворения в прозе). Рассматривать их как агитационные листовки было бы серьезным упрощением. Одни и те же семы поэтического языка Платонова, возникая в стихах и публицистике, затем не только не исчезали, но, напротив, укрепляли свою специфику в рассказах и повестях 1920–1940-х годов. Существование у Платонова единого, обладающего своей собственной грамматикой и лексикой поэтического языка не поддается никакому сомнению. Равно как и то, что лучшим комментарием к поздним литературным произведениям Платонова оказываются его ранние произведения, ибо именно в них в очевидной форме проявились те художественные знаки, из которых будут строиться затем «Чевенгур», «Коглован» и другие произведения. Так, например, в статье «Живая ехидна» (1920), говоря о об уничтожении врагов революционного преобразования Земли, Платонов предлагает их «истоптать в песок»⁴³, формируя схему той глиняной могилы для «буржуев», которую собирались утрамбовывать большевики в «Чевенгуре». Семантический ряд «почва – грунт – глина – песок», реализованный в художествен-

⁴² Там же. С. 221.

⁴³ Платонов А. Живая ехидна // Платонов А. Чутье правды. С. 59.

ной структуре «Котлована», «Джана», «Песчаной учительницы», «Родины электричества» и ряда других произведений, формулируется в статье «Борьба с пустыней» (1923). Здесь указывается, что разные участки планеты обладают различной энергетической ценностью. Наиболее ценный слой — почва, которую Платонов называет здесь «основным капиталом человечества»⁴⁴, однако происходит вымывание ее «мощными потоками воды», что приводит к образованию оврагов: «Поверхностный сток воды творит овраги, увеличивая площадь непригодных земель, умыкая поля»⁴⁵. «Овраг» выражает идею гибели земельной энергии, это мертвая зона, с трудом поддающаяся контролю со стороны человека. Мотив борьбы человека с «песком» и «глиной» как увеличивающимся шлаком энтропии, наступающим на жизнь на Земле и вытесняющим плодоносное «вещество существования», становится сюжетообразующим элементом рассказа. С другой стороны, сопротивление песку составляет основной вектор движения человека в мире, становясь формой его сопротивления смерти. Мучение живого, обреченного на противоестественное слияние с мертвым (теряющим жизненную энергию), лежит в основании трагического положения человека на земле как прямого продолжения подверженного энтропии и не защищенного «вещества жизни».

Идея оптимизации внешней формы, следовательно, состояния Земли как аккумулятора и резонатора жизненной энергии, лежащая в основе сюжета «Котлована», звучит и в рассказе «Первый Иван» (1930). Для того, чтобы изменить искаженную энергетику Земли, ньютоновцы в «Первом Иване» используют специальную машину, которая имеет название «реконструктор рельефа» и представляет собой устройство для фрезерования деталей Космоса, состоящих из «вещества существования». В его названии заключена мысль о том, что энергия Земли непосредственно выражается в форме ее поверхности, плоскость — это минимальный уровень (= холод по температурной шкале, = песок по шкале энтропии), в то время как гористый ландшафт обозначает максимальную заряженность почвы энергией (= тепло по температурной шкале = почва по шкале энтропии). Результат работы «реконструктора рельефа» — превращение плоской «безотрадной степи» в ряд насыпей, которые «тянулись по горизон-

⁴⁴ Платонов А. Борьба с пустыней. С. 224.

⁴⁵ Там же. С. 225.

талям одновысотных точек на несколько километров»⁴⁶. Работа с землей, таким образом, оказывается делом поддержания ее энергетики. Эта мысль также впервые была высказана в ранних статьях Платонова. В статье «Вопросы сельского хозяйства в китайском земледелии» (1922) писатель описывает земледелие как такую работу с землей, при которой ее энергетическая заряженность оставалась бы на самом высоком уровне:

... надо учредить такой круговорот веществ, чтобы он держал почву... в состоянии заряженности энергией урожая⁴⁷.

Герои Платонова находятся на переднем крае этой борьбы между энергией жизни и мертвым веществом, «песком» и «глиной» (крайние точки энтропийного низа которых — «кирпич» и «керамика»). Например, когда Чиклин и Сафронов приходят с работы, они «... сильно остыли и были в глине и сырости»⁴⁸. Платонов постоянно прибегает к этому приему, описывая бытийное положение человека на истощенной энергетически Земле как жизнь на песке («Песчаная учительница», «Джан») или на глине («Такыр»). На уровне мотива это можно встретить во многих произведениях писателя.

Мимо губисполкома шли люди, их одежда была в глине, точно они жили в лощинных деревьях, а теперь двигались в даль, не очистившись⁴⁹.

Перепаханность в глине оказывается признаком неудовлетворительного бытийного статуса человеческого существа, бедственного положения и ложного пути человечества. Используя эту же семантику, персонаж «Чевенгура» мстительно замечает:

Революция — риск: не выйдет — почву вывернем и глину оставим, пусть кормятся любые сукины дети, раз рабочему не повезло!⁵⁰

⁴⁶ Платонов А. Первый Иван. Заметки о техническом творчестве трудящихся людей (1930) // А. Платонов. Чутье правды. М., 1990. С. 263.

⁴⁷ Платонов А. Вопросы сельского хозяйства в китайском земледелии (1922) // А. Платонов. Чутье правды. М., 1990. С. 186.

⁴⁸ Платонов А. Котлован. С. 150.

⁴⁹ Платонов А. Чевенгур. С. 93.

⁵⁰ Там же. С. 77.

Катастрофические силы, действующие в природе, передают гибельный характер изменений, которые происходят как следствие установления коммунизма в «Чевенгуре», в частности тут же возникающий запах глины:

На крышу сенец закапал быстрый, успокаивающийся дождь, но внезапный ветер, размахнувшись над степью, оторвал дождь от земли и унес его с собой в дальнюю темноту, — и опять на дворе стало тихо, лишь запахло сыростью и глиной⁵¹.

Люди народа «джан» живут на глине⁵², на царство глиняной смерти набредает Чагатаев, идя в Чимгай:

...сон и забвение, беспамятство душного воздуха исходили из-под стен, где старела сухая глина⁵³.

Эти знаки мы видим и во сне Макара («Усомнившийся Макар»), символика которого чрезвычайно прозрачна: власть находится далеко от народа и в другой плоскости, нежели сам народ («на горе», сосредоточившей в себе свойства тотально мертвого локуса: «глаза были мертвы и страшны от нахождения на высоте», сама гора состоит из «мертвой каменистой почвы»); ошибочность устройства цивилизации заключается в том, что мертвое становится ценнее живого и пытается им управлять.

Движение человека, предпринимającego попытку изменить своим волевым усилием энергетическую бедность Земли, направлено с поверхности планеты, густо посыпанной «перхотью» цивилизации («Мусорный ветер») или «прахом» («Родина электричества»), отравленную «производством» («Котлован»), — в «яму», полную глины, первородного и сырого «вещества», из которого, согласно Библии, Бог создал человека. Туда уходят не только чевенгурцы или строители котлована. В «Родине электричества» процессия людей, истощенных голодом и возглавляемая священником, направляется к «большой яме, откуда когда-то добывалась глина... люди спустились в яму и прилегли на отдых в тень, под глинистый об-

⁵¹ Платонов А. Чевенгур. С. 310.

⁵² Платонов А. Джан. С. 464.

⁵³ Там же. С. 489.

рыв»⁵⁴. «Вода» в этой парадигме выступает как животворное вещество, способное оживить гибнущие элементы мироздания. Спор, который ведется в канцелярии двумя персонажами «Города Градова», о том, является ли комочек грунта «песком» или «глиной», в платоновской «земельной» парадигме решается с помощью определения количества влаги в нем, а разрешается плевком одного из собеседников в предполагаемый «песок», после чего тот неожиданно превращается в «глину»⁵⁵. Добавления воды в глину и песок — характерные химические опыты героев Платонова, которые обнажают свойства «вещества», не всегда послушного человеку. «Вечный двигатель»... «действующий моченым песком»⁵⁶, оказывается смысловым знаменателем энергетических диспутов героев Платонова, обсуждающих свойства «песка» и «глины». «Моченый песок» или «моченая глина» отнюдь не всегда дает новую жизнь, иногда оказываясь бесплодным конгломератом химических веществ. В «Песчаной учительнице» вода и песок оказались в состоянии победить наступление энтропии только потому, что к ним был прибавлен третий, необходимый компонент-катализатор — человек, вкладывающий личную творческую энергию в борьбу с врагом, общим для всех явлений «вещества жизни». При выполнении этого условия возникает эффект остановки энтропии и образуется искомый и спасительный для мира энергетический прибавок.

В основе выявления свойства того или иного состояния «вещества существования» лежит принцип, согласно которому его физические свойства и форма определяются наличной живой энергией, как и нет энергии, не способной и не готовой осуществиться в каком-либо предмете или вещи. Материал Вселенной неоднороден и требует определенного выбора, который связан с нравственным выбором человека. Платонов никогда не отказывался от мысли о Земле как о живом организме; возможно, что не только умозрительные заключения, но и личная мелиораторская практика привела его к этой мысли. Прочность и энергетическая мощь тех или иных форм «вещества» никак не связаны у Платонова с их технико-физическими характеристиками. Поэтому все попытки построить нечто, игнорирующее живую органическую структуру Земли, обречены на поражение.

⁵⁴ Платонов А. Родина электричества. С. 225.

⁵⁵ Платонов А. Город Градов. С. 203.

⁵⁶ Там же. С. 193.

В «Епифанских шлюзах»: «Когда вода, запертая шлюзами, чуть поднялась в реке, то подземные ключи перестали биться. На них налег тяжелый пласт воды и задушил их»⁵⁷. Неправедная победа строителей котлована над родником (знаком живой жизни, энергетики самой Земли, к источнику которой вышли строители) обеспечивается именно силой «мертвой глины»: «Они ходили в котлован раскапывать водяной подземный исток, чтобы перехватить его *вмертвую* глиняным замком» (курсив мой. — К. Б.)⁵⁸. Если в «Котловане» строители забивают глиной ручей, бьющий из-под земли, то в «Епифанских шлюзах» строители не могут остановить процесс проваливания их стройматериалов в рану на теле Земли, в дыру, которую они так необдуманно пробили в дне Иван-озера, и теперь беспомощно смотрят, как сухой песок поглощает драгоценную воду: «Мы опустили в подводный колодезь чугунную крышку аршин в поперечнике, но ее сразу утащило в подземную глубину, и она пропала. Тогда начинали забивать в скважину обсадную трубу, набитую глиной. Но и ту трубу засосала скважина...»⁵⁹

Платонов исходит из того, что в веществе Вселенной разлита некая жизнотворная энергия, доселе недоступная человеку. В статье «Красный труд» торф осмыслен как прах «вещества Мироздания», не случайно он находится «в гиблом, диком, безлюдном месте, на больших болотах»⁶⁰. Однако полученная из него энергия будет превращаться в электричество, питая механизм преобразования Вселенной. Торфяники (пресловутые мертвые былинки, часть растительного покрова Земли) Платонов часто упоминал в виде самых важных залежей энергии, приготовленных для нас Землей; как торжество накопленной энергии он трактовал и энергетический «коммунизм». Суммирует эти две его мысли следующая дневниковая запись: «Базар — как капитализм... торф — как коммунизм»⁶¹.

Попытки использования неплодородных и низкоэнергетических веществ для спасения Земли от энергетического кризиса осмыслились Платоновым практически на всех этапах его творческого пути. Не случайно этой теме посвящены его последние произведения: «Корова», «Неизвестный цветок», «Цветок на земле», в которых сюжето-

⁵⁷ Платонов А. Епифанские шлюзы. С. 64.

⁵⁸ Платонов А. Котлован. С. 150.

⁵⁹ Платонов А. Епифанские шлюзы. С. 62.

⁶⁰ Платонов А. Вопросы сельского хозяйства в китайском земледелии. С. 80.

⁶¹ Записные книжки. С. 78.

образующим мотивом становится превращение низкоэнергетической формы «вещества» (песка, камня и глины) в более высокие органические формы. Близко к идее Анри Бергсона, писавшего о бытии как о «сознании, пробивающемся через материю», Платонов создает семантический земельный ряд, фиксирующий опорные точки этого движения. Градуальный «земельный знак» А. Платонова указывает на основную линию развития творчества писателя, направленную на описание новых возможностей в решении вопроса об онтологической границе между телом человека и мировой субстанцией — «веществом существования».